

Андрей Кружнов

**СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ,
ИЛИ
ИСПОВЕДЬ ЛУЗЕРА**

*(Монопутешествие за океан
в стиле лайт-фарс)*

18+

Андрей Кружнов

**Советские Штаты Америки,
или Исповедь лузера**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кружнов А. Э.

Советские Штаты Америки, или Исповедь лузера /
А. Э. Кружнов — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Зачем неудачнику Родина? Кто и как может определить неудачника? Если ты с женой и ребёнком приехал в Москву в поисках работы, если мотаешься по съёмным халупам, если жена ушла к богатому ловеласу, значит ли это что ты неудачник? Герой хочет понять, почему он неудачник. В роли злого Рока выступает Мегалополис, куда бежит «провинция» от своих проблем, главный герой лишь мошка в этом потоке беженцев. Правда, этот поток беженцев, ударившись о бетонные стены российского мегаполиса, устремляется в Америку. Наш главный герой попадает в Нью-Йорк, где тысячи эмигрантов из России...

СОВЕТСКИЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ, ИЛИ ИСПОВЕДЬ ЛУЗЕРА

(Монопутешествие за океан в стиле лайт-фарс)

Действующие лица:

РАССКАЗЧИК.

I.

В темноте сцены стоят два стула.

РАССКАЗЧИК: *(оглядывая реквизит на сцене).* Так. По-моему, всё на месте. Не богато, конечно, но зато самое нужное. *(Дает отмашку осветителю и убавляется свет. Кланяется в зал.)* Добрый вечер всем, как говорится. Итак, я вышел на эту сцену, дабы рассказать вам о путешествии в Америку. *(На секунду задумывается.)* Нет. Как-то пресно... Вот! История о бегстве из России в Америку. История странная – на первый взгляд. Я бежал из России или не я бежал из России не суть важно. Вернее, я вообще никуда не бежал. А то ведь некоторые умники спрашивают после спектакля: «Так ты что, из-за своей жены, из-за её любовника в Штаты дёрнул?! С ума сойти!» Конечно, нет. Если я говорю: «Я там был», значит, я говорю о ком-то другом, но от своего имени. Самое главное, чтобы вы поверили, будто бы я там действительно был. Вот такая вот чехарда.

Один маленький вопрос. Просто рассказывать о бегстве скучно, важнее понять, отчего оно случилось. Поэтому вопрос: кто знает, зачем неудачнику родина? *(Что-то отвечают из зала.)* Нет, я понимаю, когда ты депутат. Сытый. Довольный собой, недовольный другими. Охрана, неприкосновенность даже. Родина его бережёт. Куда ему без неё? Или там президент. Ну что президент такое без родины, а? Даже подумать страшно, просто некий Дмитрий Анат... ич, и всё! *(Как бы подхватывая вопрос из зала.)* Творческий человек?.. Пожалуйста, поэт, пишет про свой народ, воспевает родину, за это премии, гонорары, его все любят. Женщины обожают. Такие люди без родины, как ноль без палочки. А какая разница неудачнику, где ему жить. Его вообще стараются пореже видеть, вроде от него можно заразу подхватить. А что, говорят, несчастья хуже гриппа. Вот тоже кризис. Тоже от какого-то неудачника... Раз! – и пошло, пошло, пошло – цепная реакция!

А ты, например, вложил деньги в производство прищепок, квартиру свою заложил в банке, бах, и кризис финансовый. Где жить? Что кушать? А кого волнует, родина неудачников не любит. Кто-то, например, два института закончил, три языка выучил. Ага, приехал в Москву и говорит: «Дайте мне высокооплачиваемую работу». А ему говорят: «У тебя прописки нет?» – «Нет» – «Всё. Пошёл вон, неудачник».

Между нами, все неудачники в России родились за МКАДом. Правда, они об этом даже не догадываются. Маленький мальчик он тоже ведь не знает, что он мальчик, пока не увидит девочку. И пока не знает, спокойно спит. А представьте, у тебя жена молодая, красивая, ребёнок. Ты с семьёй в Москве без прописки по углам шарахаешься. Понятно, в семье напряжёнка. Жена терпит сначала, неудачников тоже, бывает, любят. Потом раз – не успел глазом моргнуть, с красивыми жёнами так часто бывает – к ней уже ухарь с московской пропиской пристраива-

ется, типа у меня не то что прописка, у меня ещё и квартир как грязи по всей Москве, у меня ещё и папа с мамой доктора наук, ещё и в кино знакомые, сейчас Михалкову звякну и тебя и мужа твоего придурковатого на Мосфильм пристрою.

Вот какая женщина может устоять, а?.. (*Выслушивает ответ из зала.*) Нет. Только та, которая ещё надеется на лучшее. А если она пять лет бегаёт по съёмным халупам, в башке одни и те же вопросы: «А вдруг поднимут квартплату? А вдруг туалет на улице? А вдруг борьба с иногородними, как с нелегалами-таджиками?». Если у неё слабая психика, а у женщин она слабая, то после такой многолетней пытки жена может дрогнуть на рубежах супружеской верности. Вот тогда она начинает сравнивать, а почему у этого удалыца есть всё, а у моего идиота ничего? И тут же ответ – неудачник. Главное, тут думать не надо, объяснение готово, на человеке ставится крест, у неё, то есть у жены, развязываются руки, а дальше дело техники!.. И вот тогда ваша пока ещё жена отвечает этому столичному везунчику: «На фиг этого мужа пристраивать, всё равно уже родился неудачно, в деревне какой-то, родители алкаши, квартиру пропили, на сберкнижке ноль целых хрен десятых. Это он только с виду умный, а так тупее дятла. Ему говоришь, ты почему опять над ванной зубы чистил, а не над раковиной. А он, я, говорит, думал. Умный, типа. О чём ты, сволочь, можешь думать, когда ребёнку жрать нечего! Нет, нет, пристраивать его не надо никуда, тем более к Михалкову. А то ведь и Михалков обидится, зачем, скажет, мне этого лузера суёте, пусть уж шарахается где-нибудь, раз так родился!».

Какие верные слова «от любви до ненависти один шаг»... А я даже больше скажу, любовь и ненависть – это одно и то же. Корень один – это страстное желание обладать предметом своей страсти. Те, кто любит, понятно, зачем хотят обладать, а те, кто ненавидит, хотят обладать, чтобы исковеркать этот самый предмет страсти до неузнаваемости. А если этот предмет у тебя уже в руках, и вдруг р-раз – вместо любви ненависть, а он в руках, как на грех. Вот тогда бои без правил: ты и неудачник, и губитель молодости, и похотливое чудовище, и совратитель девственниц!..

Я к чему всё это говорю? Я сейчас как бы пытаюсь связать странные и разные вещи, но, мне кажется, они очень похожи. История мужа и жены – это история любви и ненависти. Потом история неудачника, это уже результат... Вот эти вот две истории обязательно запомните, мы к ним вернёмся.

Я сейчас перепрыгну вроде бы на другую историю, но это рядом... Начну с главного, без преамбул: когда я оказался в Америке, у меня создалось ощущение, что я попал в Советский Союз! Не в смысле, Советский Союз времён Горбачёва или Брежнева, нет. Такая розовая мечта советского человека, чистая, довольная всем страна, без гоголевских дураков, без булгаковских бюрократов – волшебная страна Оз! В курилку для рабочих заходишь, там стоит автомат, за двадцать пять центов банка кока-колы. Очень удобно и дёшево, если у тебя зарплата две-три тысячи долларов. Кто постарше помнит, в Советском Союзе такие автоматы с газировкой стояли на каждом углу, правда, стаканы оттуда воровали всё время, но утром ставили новые стаканы, и так до вечера... Или захожу в Питтсбурге в служебный коридор супермаркета и вижу, на стене огромный расчерченный на квадратики лист бумаги. В квадратиках красные флажки, под ними цифры, напротив флажков фамилии продавцов. Я чуть не ахнул, это же график производственного соревнования с фамилиями передовиков, как во времена Советского Союза. У меня сразу сработала машина времени, ага, голливудский фильм «Назад в будущее». Например, Ральф Пип на втором месте по продаже товара, Трейси Коско на первом. Какие-то премии передовикам написаны... Я вышел потрясённый: мы у себя всё развалили, у нас нет соцсоревнований, нет ударников, а американцы, которые считали нас своими врагами и до сих пор считают главными соперниками, у нас это всё скопировали и успешно используют. Вы теперь понимаете, к чему я это говорю?.. Нет?..

Хорошо, наводящий пример. Когда на ринге стоят два боксёра, каждый должен знать про своего противника как можно больше, его технику боя, удары, защиту, слабые места, то есть

ты должен вжиться в своего противника, должен двигаться, как он, думать, как он, чтобы не только выжить, но и победить. Правильно?.. Нет, вы только представьте: две страны стоят друг против друга, как эти два боксёра... несколько десятилетий! Жутко представить, за это время можно так вжиться друг в друга, что реально полностью поменяться телами. Ага, голливудский фильм «В чужом теле». В общем, получаются такие Советские Штаты Америки. Когда кого-то ненавидишь, становишься похожим на него. Всё это к вопросу о любви и ненависти. Я по ходу ещё примеры приведу.

Так на чём я остановился?.. Да, правильно, возвращаемся к истории мужа и жены. Насколько ты был счастлив в первые дни вашего знакомства, настолько ты несчастен потом. Потом, это когда жена решила, что ты в этой жизни неудачлив по вышеперечисленным причинам, ну, помните, не там родился, не те родители, не то имеешь или вообще ничего не имеешь. Когда над этим задумываешься, жутко становится. Думаешь: ведь если индусы правы, ну, что мы рождаемся и умираем бесконечно много раз, значит, эта цепочка неудач тянется ещё, чёрт знает, откуда, ещё с Киевской Руси или даже с пещерных людей. Ты всё время неудачно рождаешься, не в том месте и не в то время. Значит, ты неудачник по жизням!

Вы, наверно, думаете, я вконец запутался? Нет, могу доказать на самом простом примере. Иду я, значит, по Тверской, а навстречу мне йог из Индии. Я у него спрашиваю, йог, почему я неудачник. Он говорит, потому что ты так сам считаешь. Я говорю, хорошо, но ведь если я буду считать себя женщиной, я ведь ей не стану. Вот мой брат пашет день и ночь в колхозе, всё время в навозе, в комбикорме, считает, что я в жизни удачно устроился. А моя жена считает, что я устроился неудачно. Кому верить? Я не хочу жить с братом в навозе и в комбикорме, я хочу жить с женой, и чтобы она считала меня удачливым человеком. А ждать до бесконечности я не могу, извините. А тебе скажут, мол, не хочешь ждать, действуй. Я скажу, а как? Тебе скажут, а как хочешь. Я скажу, а как я хочу, не получается. Ну, значит, никак не действуй! И всем убить тебя захочется.

Главное, в этот момент не задать неудачнику вопрос: «Любите ли вы свою родину?». А то он посмотрит на вас, как корова на свой навоз. Родина распалась для него на миллион атомов, как в ядерном реакторе. Осталась чёрная дыра, дырка от бублика, пирожок ни с чем. Да и сам неудачник для своей родины стал как заноза в заднице. Жене мешает устраивать личную жизнь, ребёнку мешает попасть в лицей с крутыми педагогами. Даже знакомым мешает: всё время с такой физиономией ходит, как будто взаймы просит, мол, вот я такой несчастный, даже мне помочь никто не может, а если может, то не хочет. Знакомые уже думают: «Удавился бы что ли!». Правда, без злобы думают, просто чтобы глаза не мозолил. И, наконец, кто-то хлопает тебя по плечу и говорит: «А не махнуть ли тебе, старичок, отсюда куда-нибудь на край света!». После таких слов начинаешь верить в чудо.

Да, я уже понял, я проговорился. Ну да, я был в Америке, но это совсем не значит, что вся эта дурацкая история случилась со мной. Такое с каждым могло случиться. Вы, наверно, подумали сейчас: «Хватит врать, откуда ты можешь знать столько подробностей?». Я просто беру общую проблему, например, проблему неудачника и примеряю её, как рубашку. Сразу чувствуешь, где шовчики, где складочки, тут жмёт, там болтается... Просто такая технология. Поэтому если я говорю, я развёлся, я носил рога, меня обманули – не верьте, это те-хно-ло-гия, я говорю о ком-то, но от своего имени. Поверьте мне.

Итак, почему я поехал в Америку? Честно говоря, мне уже было всё равно, даже больше скажу, в Америку я мало рассчитывал попасть. Сказали, собеседование в посольстве пройти очень тяжело. Но если ты уже отдал деньги, а собеседование не прошёл, извините, это ваши проблемы. Но я решил блефовать до конца: занял деньги на самолёт Москва – Нью-Йорк, демонстративно паковал вещи при жене, вспоминал свой институтский английский, брал у знакомых адреса их родственников, которые жили в Америке, чтобы навестить и передать привет, в общем, готовился. Жена так прониклась моим отъездом, было ощущение, она провожает

меня на фронт. Перестала своего любовника ставить в пример, называть меня неудачником... Да что там, скажу больше, она стала жаловаться мне на любовника, оказалось, он жадный и грубый, невнимательный. Оказалось, я как мужчина совсем даже ничего, его со мной и не сравнить. Чтобы не быть ханжой, скажу прямо, у нас начался медовый месяц!

Если говорить про любовь и ненависть, то вот то, что со мной тогда происходило, можно было назвать промежутком между этой любовью и ненавистью. И я, и она понимали, что всё это вот-вот закончится, что я не смогу ей простить измены, а она не будет со мной счастлива, что семьи, в общем-то, почти и нет. Она к тому времени уже познакомилась с его родителями. Его родители хлопотали о моём ребёнке: ну как же, отец не может сделать такому милому ребёнку прописку в Москве, не может купить квартиру, хотя бы за Садовым кольцом!.. Произошло ещё одно чудо, она стала считать меня героем. Мне так было приятно быть героем, я бы с удовольствием никуда не ездил и всё время был бы героем. Я чуть-чуть представляю, как приятно быть дважды или трижды героем своей страны. Но дураку понятно, я был герой займы и моё время истекало.

Так как же я попал в Америку? Просто я прошёл собеседование. Случайно. В посольстве подошёл к такому окошечку, как в кассу за зарплатой, а там офицер визовой службы, кореец по внешности. Улыбается мне, я ему тоже. Самое главное, мне нужно его убедить, что в Америку я ехать не хочу, но так вот сложилось. Только тогда, как меня научили одни хитрые ребята, меня туда пропустят. Ситуация очень похожа на проблему иногородних в Москве, меня ловит, к примеру, мент на Ярославском вокзале без регистрации: «Что? – говорит. – Понаехали, жлобморды? Москва не резиновая, гнать вас надо!». Я менту заливать, мол, я в Питере директор турфирмы с окладом в пять тыщ баксов, особняк в четыре этажа, и чхать мне на ихнюю Москву с высокой колокольни. Надо бдительность успокоить, убедить, что ты не покушаешься на их работу, квадратные метры и прочие удобства. В американском посольстве примерно так же: вываливаю липовые фотографии в окошечко, вот я рядом со своей коллекцией иномарок, вот я на фоне особняка на Рублёвке, вот красавица жена с тремя детьми, вот мои ученики из элитной школы для слишком одарённых детей... Осталось предъявить фото, где я в обнимку с президентом. Но кореец этот улыбается и смотрит на меня, а не на фотки. Ну, всё, думаю, придётся куда-нибудь в Голландию, за свиньями выгребать. Сразу вижу глаза жены, как они из восторженных становятся такие колючие, безжалостные. И вдруг смотрю, кореец этот пальцем в одну фотку тычет, типа что это. А там один мой знакомый бурят со мной в обнимку. На дне рождения фотографировались. Я как-то легко так соврал, даже не понял сам: «Это, – говорю, – мой лучший студент, гениальный музыкант, скоро привезу на гастроли в Америку». Больше вопросов у американского корейца не было. В этот же день мне открыли визу.

Вы, наверно, ждёте, что я начну рассказывать какие-то приключения в Америке? Ждёте, да?.. Просто я не могу вот так вот с бухты-барахты взять и начать болтать про Америку! Я должен придерживаться одной линии, как бы одной идеи, чтобы подвести вас к какой-нибудь финальной морали, ну, типа «родина человека – это его сердце». Или «от себя не убежишь», или «не женитесь на красивых и молодых, а женитесь на...». (*Конфузится перед залом.*) У меня бывает иногда, начинаешь волноваться, путаться, несёшь ахинею. Просто когда увлекаешься сюжетом, забываешь о морали, она мешает. А когда пытаешься всё подвести к морали, то история становится плоской, как блин, и неинтересной. Ну и плевать, в конце концов, все взрослые люди и могут придумать любую мораль сами. Ну, какая мораль может быть в том, что я боялся упасть в Атлантический океан – ночью на высоте двенадцать тысяч метров я летел в Нью-Йорк – «не бегите с родины самолётами Аэрофлота»? Да никакой морали, просто я напился коньяку и уснул. Это на случай, уж коли падать, то ничего не видеть.

Вот что, я лучше расскажу, как я нашёл в Америке своё давно потерянное чувство. Чувство спокойствия и свободы. Последний раз это чувство я помню ещё в детстве, когда за моей спиной стояли родители, бабушки-дедушки, братья, вся родня. А впереди было безбреж-

ное море будущего... Потом всё исчезло: когда навалились всякие проблемы, когда умерли бабушки-дедушки, ещё хуже, когда родители, разъехались братья, забылась родня. Вот тогда ты начинаешь планировать своё будущее, от одиночества или от страха – не знаю. Мне больше всего нравится – «люди планируют своё будущее!». Абсурднее, по-моему, ничего нет. Я, например, не знаю, понравится вам этот спектакль или нет. Вы не знаете, к концу спектакля вы уйдёте с приятной теплотой на сердце или с досадой. Ведь так? Я хочу, чтобы всё случилось хорошо, но ведь я не планирую. Я действую с добрыми намерениями, но я не планирую. А когда женился, я стал планировать: «Так, так, так!..». Мысли бегают, как муравьи, «так, так, так, так». И, самое главное, тебе хочется, чтобы жена видела, как они бегают: «Ребёнка в престижный лицей, жене норковую шубу... Так, так, так...». А когда жена подключается к твоему планированию, тебя подхлестывает ещё больше, муравьи ползают ещё быстрее, в голове молоточками: «Так-так-так-так-так-так!.. В Москве квартиру! Так-так-так-так!.. Карьера! Так-так-так-так!.. Слава! Так-так-так!.. Деньги! Так-так-так!..». А когда планы рушатся, в голове уже не муравьи, а летает рой мошкары «вззз-жж-ззз». Нервы твои сдают, идеалы изгажены.

И вот ты в Питтсбурге, на другой стороне земного шара. Помню, как сейчас, был розовый вечер, где-то в июне, знаете, когда от асфальта поднимается тепло. Это была окраина Питтсбурга, возле которой начинался лес, иногда оттуда появлялись косули, выскакивали белки... Кругом только двухэтажные домики и тополя. Детский гомон: дети что-то рисуют на асфальте. Женщина протяжно так зовёт кого-то из окна: «He-en-y-y!». В небе свищут стрижи точь-в-точь как в детстве... Со мной вдруг случилось дежавю, мне показалось, моя мать сейчас крикнет в форточку: «Сыно-ок, домо-ой!». Ра-аз! – и я оказался в детстве.

Но это было ещё не всё! По тёплому асфальту, изрезанному длинными тенями от тополей, катился маленький автофургон с продавцом мороженого. Фургон был весь яркий, разрисованный, как фантик, над кабинкой торчал динамик, и оттуда лилась трогательная сказочная музыка. Она летала над улочками, над тополями. Её невозможно было запомнить, уловить, как мимолётный вздох летнего вечера.

И я вдруг почувствовал каждой клеточкой, как из детства я попал в настоящую мечту детства! Это была сказочная страна. Там всегда был розовый тёплый вечер, очень похожий на утро... Вот в это мгновение я чётко и ясно осознал – я свободен. А если, вправду, свободен, ты спокоен. Ощущение этого мгновения осталось во мне навсегда и даже пустило корни. Мне так кажется. Всегда, если тяжело, я вспоминаю то мгновение, оно для меня имеет бесконечную ценность, потому что случилось не в фантазиях, а наяву. Это как чудо, как откровение свыше, о котором ты не можешь рассказать. Ты видел его, но молчишь! Иначе оно исчезнет!

Может, из-за одного этого мгновения мне стоило оказаться в Америке?.. Мда...

II.

Так, не будем отклоняться от темы. Здесь вот Россия и тут вот Америка... Напротив друг друга. Хотя сравнивать Россию и Америку – дело не благодарное. Конечно, если бы я был юмористом, я бы всё вывернул наизнанку, ага, высмеял. А что вы думаете, мало над чем посмеяться? Я вас умоляю. Знаете, меня больше всего поразило в Нью-Йорке обилие русских и украинцев. Представляете, посреди сверкающего рекламой Бродвея встречаются две бабульки с советскими верёвочными авоськами, откуда они их выкопали. Оттуда торчат батоны, лук, макароны... (*Говорит, изображая старуху.*) «Ты куды, Бандюля?» – «Та иду в шопе дрожец прикупить, брагу затереть для самогону, у Вовки ж свадьба опять!» – «Та ты шо?!» – «А то! Раньше булы дивки били, як сахар, а таперь чорны таки, шо ночью не углядишь, наступишь». Ой, сейчас вдруг столько всего вспомнилось! Утром из Москвы я прилетел в аэропорт Кеннеди, стою у выхода, судорожно так ищу телефоны знакомых, ну, позвонить, узнать куда ехать, на чём ехать – руки бегают, на лице паника. Это всё равно, что высадка на Марсе, чужая незнако-

мая планета. И со всех сторон: (*имитируя громкоговорители в аэропорту*) «American airlines... Arrival of the airplane a zero zero seven ten twenty five is late». /"Амэрикан эалайнс... Арайвл ав зэ эаплайн а зироу зироу севен тен туенти файв из лэйт." англ. Американские авиалинии... Прибытие самолёта ноль ноль семь десять двадцать пять задерживается./ Ни одного слова по-русски! Вдруг подходит таксист с ключами на пальце и по-русски с грузинским акцентом спрашивает: «Што, нэ встрэтили?». Честно говоря, я даже вздрогнул, может, я до сих пор в Шереметьево? Короче, он полдня катал меня по Нью-Йорку, ага, демонстрировал личный взгляд на «столицу мира»: подвозит к русской школе, там выбежали дети, лупят друг друга портфелями, шумят, матерятся – всё как обычно. Он так заглядывает мне в лицо и говорит: «Матэрятся, слышишь?» – «Ну и что?» – «Как что! Так нэ било там. Тут хужэ».

Вообще-то, эмигранты обычно хвалят страну, в которой живут, мне так казалось. Ну, а как иначе, если я ушёл от одной жены к другой, значит, я должен говорить, какая она хорошая. «Дура полная и уродина страшная, – скажу я, например». «А какого ты от первой жены ушёл? – скажут мне». А тут как-то странно... Потом этот таксист завёз меня в какой-то захламлённый квартал, дома как заброшенные цеха старой фабрики: все стены исписаны, окна разбиты, железные лестницы, ржавые балконы – ужас... О! наверно, это было гетто. А таксист опять мне в лицо заглядывает и говорит: «Скажи, это архитэктурa?». Я говорю: «Нет, это не архитектура». Вижу, ему сразу полегчало, слава богу, я ничего другого не сказал. И он уже довольный говорит: «Вся Амэрика такая. Чорт знает что за страна!». Улыбается, главное, и опять в меня уставился. Ему что хотелось, чтобы я назад в Москву рванул? Типа, Амэрика нэ резиновая, на всэx нэ хватит.

Да нет, понятно, он просто оказался посерединке между той самой любовью и ненавистью: с родины уехал, а сюда не приехал, так и болтается где-то между. Он, видно, почувствовал, что я нахожусь там же, посерединке. Он смотрел на меня, как на самого себя, только со стороны. Наблюдал за внутренней мутацией! Может, мне надо было возмущаться, кричать: «Америка самая прекрасная страна в мире! Да каждый мечтает попасть в Америку! Как у вас язык поворачивается? Вы, эмигранты, зажравшиеся свиньи!». Мне кажется, он бы меня тогда обнял и прослезился: «Спасибо, я нэ зря прожил эту жизнь в Амэрике». Ну вот, прямо даже неудобно стало за тот случай... Наверно, поэтому он не отвёз меня на автовокзал, а высадил прямо у метро. Ага, забрал последние сто долларов и сказал так серьёзно: «Амэрика – продажная страна». Точно – обиделся. Ты уж извини, брат, у нас сейчас не лучше, чем у вас.

Стоп! Это уже опасная зона, сюда заходить нельзя. У кого лучше, у кого хуже, а что значит лучше, а было ли вообще лучше? Вы не поняли? Я только что назвал четыре темы, по которым можно начать идеологическую войну между двумя странами. Так же как и между двумя людьми. Я уже чувствую шквал возмущённых голосов за спиной: «Как можно сравнивать! Дешёвая популярность! Да из-за таких, как вы!...». Так-так-так-так... Тьфу ты, чёрт! Привычка, иногда начинаешь планировать даже во время разговора. Ага, вот и сейчас думаю, как можно вернуться назад к теме мужа и жены, а потом привязать это к теме России и Америки, а потом ещё и соединить их в дружеском рукопожатии. Планирую построить умный и убедительный монолог. А зачем? Разве я могу показаться умнее, чем я есть на самом деле? Стать выше. Тоньше. Да нет, я весь как на ладони: руки, ноги, лицо... Конечно, у меня сидит внутри сильное чувство, я не могу объяснить его словами, я могу только ходить вокруг него, как котёнок возле горячего молока. Какие темы? Какие выводы, наставления? Да я плевать хотел на все наставления, на всё «это должно быть так или так»!

Интересная вещь, у меня был довольно сносный английский и произношение, ну, как считали в школе. Жена так вообще думала, я говорю на нём как на родном, потому что сама помнила только (*специально с ужасным произношением*) «My name is Vasya» /"Май нэйм из Васья" англ. Меня зовут Вася./ Но когда я оказался в городской толпе Нью-Йорка, мне показалось, я плыву в океане мурлыкающих котов: «Pp-yyaa-yy-ppp...» И только через

несколько дней начинаешь улавливать что-то подобное словам среди этого мурлыканья: «Really, respectable... Round the river... Are you ready? Uau, Robin ride around Rome! Oops, he is very irresistible resident in our residence»... /“Рыли, респэктабл... Раунд за рива... А ю рэди? Уау, Робин райд эраунд Роум! Упс, хи из вэри ирризыстабл резидэнт ин ауа резидэнс” английский набор слов и звуков./ Первые три месяца у меня просто раскалывалась голова, как будто каждый день меня заставляли слушать сломанный радиоприёмник.

Слава богу, жена не видела моего бесчестья. Когда-то, когда её любовник был просто нашим общим знакомым, был праздник, мы что-то выпивали, и я заболтал на английском: *(специально с ужасным произношением)* «If you want to have a brother, say your dad to have your mother». /“Иф ю уонт ту хэв э бразер, сэй ё дэд ту хэв ё мазер” англ. Если ты хочешь занять брата, скажи своему отцу, чтобы он заимел твою мать./ Он прямо сгорбился за столом от зависти. Ему всегда было плохо, когда я мог делать то, чего ему было не дано. Мне нравилось играть на этом, я даже испытывал злорадное наслаждение, особенно, когда заглядывал ему в лицо после такой пилюли. Я уверен, в глубине души он считал себя неудачником, а иначе зачем ему было вбивать в голову моей жене, что я неудачник. Я просто абсолютно уверен. Мне нужно было выглядеть на все сто, раз я оказался в Америке. Я имею в виду перед моей женой. Слава богу, мы общались только по телефону, и я мог нести всё что угодно. И что меня здесь считают за своего, что у меня йоркширское произношение, что американки вешаются на меня, а негритянки просто готовы на всё. В трубке сразу тяжёлая пауза, вздох, и вот уже её голос становится бесцветным... Мне было приятно, что я могу вызвать у неё хоть какие-то чувства. Она до сих пор не знает, в какие дурацкие ситуации я попадал со своим школьным английским. И никогда не узнает. Нет, не потому что я до сих пор хочу пускать им пыль в глаза. Просто у них своя жизнь, а я уже в прошлом, я уже неинтересен, как просмотренный спектакль.

А случаи были интере-есные. В одном супермаркете, куда я только что устроился, работал огромный такой грузчик: кулак где-то с мою голову, ходил вразвалку, казалось, он хочет присесть в стойку сумоиста перед боем. Даже вот просто идти ему навстречу было жутковато. А тут он вдруг узнаёт, что рядом работает парень из Moscow, и, наверно, ему стало неудобно, что он со мной ещё не познакомился, не сказал «Hi», не попил кока-колы в курилке, ну, и решил ошибку исправить. И вот навстречу мне идёт громадная детина, руки растопырены, на лице глупая ухмылка, как у маньяка, когда он идёт на свою жертву, голова без шеи, как будто ведро на плечах, и урчит басом: «Хэллоу, бади!». Со световой скоростью в мозгу пролистываются все словари: хэллоу, хэллоу, хэллоу – привет! Ага! Бади, бади, бади... Нет такого слова, со школы я знаю только «боди» – тело. Наверно, в Детройте такое произношение. Это, значит, он мне сказал: «Привет, тело!». Какой ужас! А этот шкаф надвигается на меня, я в панике! Привет, тело, это, значит, привет, мой будущий трупик! Он какой-нибудь садист или сексуальный извращенец. Скорее всего, он гомосек, я просто кусок мяса для его похотливых утех. Это же Детройт, чёрт возьми, он же кишит полулегальными арабами и африканцами! Кто, ну, кто будет искать какого-то вшивого русского?! Я уже представил, как я голый валяюсь в луже крови в каком-нибудь забытом подвале этого магазина, огромные окровавленные тесаки, как в фильме «Доктор Лектор», рядом сломанная об меня бейсбольная бита... Неестественно так лежу, неудобно, потому что мне уже всё равно. И так это ясно представилось, до жути!.. Когда до этого амбала оставалось два шага, я подскочил вверх, как чёртик на пружинке, и перелетел поддон с коробками в человеческий рост. Я никогда так высоко не прыгал. Потом этот бугай ещё несколько раз пытался поймать меня, но я исчезал, как только видел его издали. Я даже хотел уволиться оттуда. Но он, видно, понял, что поймать меня ему не удастся, и махнул рукой. Я был очень горд собой и считал себя героем: удалось выжить, сохранить хладнокровие, не струсить...

К чему я это говорил? Ах, ну да, я позвонил жене, рассказал этот триллер. Почти Хичкок! Она даже заплакала, сказала, никогда не простит себе, если со мной что-то случится. Неужели

я должен был ей рассказать, что «бади», это я потом узнал, означает «дружище». Хэллоу, бади – привет, дружище! Всё очень дружелюбно. Интересно, что этот верзила обо мне подумал?.. Crazy Russian boy – сумасшедший русский! /“крэйзи рашн бой” англ./

Полгода... Целых полгода или всего полгода прошло, и я уже разговаривал с америкосами по телефону: «Ye, if you wanna bay my car, you have to bay my insurance, because its very expensive to bay it in another place... I got it... Appreciate!.. O'kay!..» /“Йэ, иф ю уона бай май ка, ю хэв ту бай май иншуаранс бикоз итс взэри икспенсив ту бай ит ин эназа плэйс... Ай гад ит... Апришиэйт!.. О'кэй!..” англ. Да, если ты хочешь купить мою машину, ты должен купить мою страховку, потому что в другом месте она выйдет дороже... У меня есть... Благодарю!.. Пока!.. /Почему по телефону? Потому что сложнее всего, когда не видишь говорящего, его глаз, жестов. На родном языке этого не замечаешь, и вдруг оказывается, это очень важно. Мне, например, сейчас было бы гораздо спокойнее спрятаться где-нибудь за ширмой и говорить оттуда, не стоять под обстрелом ваших взглядов, не контролировать малейшее своё движение. Хотя многие мои слова из-за ширмы наверняка вам показались бы полной чепухой. Вам нужны мои глаза, мои жесты, сразу видно вру я или нет, дрожат ли руки от страха, бегают ли глаза... Мда...

В общем, я наблатыкался по английшу и мог уже приударить за какой-нибудь амэрикан гёл. Идиот. Как будто для любви важен язык. Нет, нужны всё те же самые жесты и взгляды. Кахрамон, узбек, сосед по дому, он жил этажом выше, который вообще вместо “thank you” говорил «танк ю», в первый же месяц схлестнулся с одной негритяжкой. Такие аппетитные формы – его приятели узбеки просто слюни глотали. А что я? Я думаю, их свела тёмная кожа, чёрные волосы, такая расовая схожесть. Плюс заморская новинка. Я, конечно, мог бы специально за кем-нибудь приударить, потом специально похвастать своей жене. А иначе зачем приударять за кем-то, если тебе этого не хочется... Нет, мне хотелось чего-то доброго... Правда, это трудно сформулировать словами. Нет, я не завидовал Кахрамону, не подумайте плохого, я просто удивлялся, как у него всё лихо получалось – в Ташкенте любимая жена, дети, никаких любовников, ждут его. Он им даже деньги перестал посылать, ага, на эту негритянку тратил. А жена мусульманка его ждала, переживала, наверно... Да, я тогда позавидовал, пожалел, что я не узбек.

А узбеков в Америке было полно, так же как у нас сейчас. Да нет, вру, не только узбеков, в Америке было полно и молдаван, и казахов, украинцев, белорусов, армян... Тысячи. Целое море неудачников хлынуло на территорию Штатов, как будто прорвало плотину, как будто всемирный потоп! Я в Америке перестал себя чувствовать неудачником. Нет, совсем не потому что рядом не было жены с её изменами, не потому что я перестал планировать – нет. Я оказался среди таких же неудачников, а это успокаивает. Дворники, водители, бизнесмены, миллионеры – никто сломя голову просто так не побежит из дома, все были с червоточинкой. Я много знаю историй. Булат, мой сосед казах, у него была несчастная любовь, ради любимой девушки продал квартиру, забросил свой магазин и влез в долги. Игорь, молдованин-бизнесмен, разорился из-за какой-то аферы, скрывался от бандитов. Кахрамон, узбек, ему нужно было выдать дочерей замуж. Артур молодой армянин, тому просто надоело жить на родительские деньги, слушать упрёки. Был даже начальник городского отдела культуры из Западной Украины: Петро, умный такой, вспыльчивый мужик, иногда под водочку вспоминал про гастрольные банкеты с известными артистами, певцами, вспоминал Кобзона, Ротару. А как советская империя развалилась, Петро потерял уважаемую должность, жена ушла. В сердцах он плюнул в сторону нового начальства и отправился, как он сказал, «дывиться, як загнивають буржуи в Америце». Уйма историй, твой несчастный случай всего лишь капля в море. Он даже перестаёт казаться несчастным, просто случай, каких тысячи, а, может, и миллионы.

Целое море беженцев. Они внесли столько здорового оптимизма, столько силы советского духа в их «загнивающий капитализм». Америкосы вообще как-то спокойно, как-то расслабленно до этого жили. В глубинке Штатов можно ещё найти этих наивных доисторических

американцев: они, уходя на работу, не запирают свой дом, у входа в кинотеатр у них не стоят контролёры, у незнакомого дантиста можно запломбировать зубы в долг – тебе верят, считают, что врать и обманывать неприлично, что ты с этим согласен. Они не знают нашей поговорки «не пойман – не вор»! В Нью-Йорке быстро всё поняли: к дантисту уже нельзя было сесть в кресло без документов, на входные двери ставилось по несколько замков, а у кинотеатров появились вышибалы. В Нью-Йорке американцы перестали быть такими расслабленными, у них даже изменилась походка. Обычный средний американец ходит широко расставляя ноги, как будто пытается плыть на двух лодках. Вот так... (*Показывает.*) Под ноги никогда не смотрит, так же как не задирает голову вверх. Он идёт и не боится, что сверху на него упадёт сосулька или кирпич, а внизу будет открыт люк или вырыта яма. Кто их к этому приучил, я не знаю, но так на самом деле. Я думаю, иногда человек должен себя чувствовать неудачником и опускать глаза в землю или поднимать вверх, спрашивая помощи. Иначе свалишься куда-нибудь и покалечишься к чёртовой матери! Да, да, нельзя быть всё время хозяином жизни, нельзя занимать весь тротуар своей тушей, нельзя всё время пользоваться успехами родителей, их деньгами, квартирами, связями. Нельзя смеяться над другими, у кого этого нет. Нельзя отбирать у них последнюю радость, уводить их жён, детей. Нельзя этого делать! Нельзя.

Хотя всё это глупости. Никто никуда жён не уводит, они уходят сами, дети вырастают и делают свой выбор тоже сами, только чуть позже. А быть неудачником совсем не хочется, ни грамма. Это я так, для красного словца. Ведь красиво сказал, правда? «Человек должен иногда быть неудачником, чтобы поднимать глаза к небу и молиться или опускать их вниз и каяться». Мне нравится, я даже запишу... (*Записывает.*) На самом деле, когда ощущаешь себя неудачником, это мешает. Вот из-за этого я и не смог закрутить ни одного романа, пока жил в Америке. Полный идиот. Узбеки, украинцы, не зная ни слова по-английски, встречались с американками, даже просили меня писать им какие-то записки, приводили их ко мне в гости: сажает меня посередине и я перевожу их любовный диалог – честное слово. Самое главное, они были уже любовниками, этот разговор им нужен был, чтобы узнать, у кого сколько денег в банке, есть ли жёны-мужья-дети, и собираются ли они жениться-разводиться. Да, в основном женщины везде одинаковы. В конце концов мне это надоело. Сколько можно! Я решил закрутить роман. Это было даже не назло жене, а назло себе. Я чувствовал, как у меня падает уважение к самому себе. Нет, я, конечно, мог бы наврать и жене, и друзьям о своих любовных успехах. Честно говоря, потом и, правда, много приврал. Но я-то сам себе не могу наврать! Если я, извините, стану импотентом от низкой самооценки, то как бы я ни врал, в постели мне это не поможет. В общем, я решил взять быка за рога. К тому времени я был уже знаком с Трейси, у неё были соломенные прямые волосы, конопатое лицо и огромные очки. Её предки были из Ирландии, и она гордилась, что родом из этой каменистой суровой страны. Она так сжимала свой маленький кулачок и говорила: «I'm Irish!», «я – ирландка!». Трейси была на удивление начитанной, читала русскую классику, любила Феллини, Формана, то есть полностью оправдывала звание «очкарик». Я решил признаться ей в любви.

Конечно, это выглядело дико: в узком коридоре, заваленном коробками с товаром, сверху сыплются какие-то фантики или наклейки. Я схватил её за плечи и стал быстро говорить, что мог бы её полюбить, но моя жена мешает мне и плетёт против меня какое-то нехорошее дело; что я очень талантливый поэт и мог бы написать ей любовную поэму, стать знаменитым и богатым; мы могли бы усыновить кого-нибудь из Африки, если бы женились; она бы никогда больше не работала в этом дрянном супермаркете укладчицей товара; мы бы сняли домик где-нибудь во Флориде, купили автофургон, забрали к себе её родителей и отправились путешествовать, например, в Москву; я бы познакомил её с друзьями, со своей милой дочуркой; потом бы поехали в Ирландию уже вместе с друзьями и с моей дочкой... Я говорил так быстро, будто боялся забыть что-нибудь. Её глаза становились всё больше и больше. Потом мне на

голову свалилась картонная коробка, Трейси ткнула в меня своими кулачками и убежала... Эх, Трейси, Трейси...

Я, наверно, плохо говорил по-английски. Она, по-моему, половину не поняла или поняла как-то по-своему, не в лучшую для меня сторону. На следующий день я вдруг обнаружил, что Трейси не вышла на работу. У меня всё похолодело внутри, что-то заняло так тревожно. Но я себя старался успокоить, типа ничего страшного, заболела, вон, тот амбал из Детройта, тоже не хотел тебя убивать, а ты чего-то нафантазировал, накрутил... В обед приехал Петро на своём «линкольне», мрачный, злой и сразу ко мне: «Поихалы!» – «Куда? Я ж на работе» – «Усё, отработался. Через две години зараз будэ польция. За то время надо будэ уतिकать у соседний штат Огайо». Оказывается, старший менеджер супермаркета, он был русский, отзвонил Петро и сказал, что одна из работниц магазина позвонила в полицию и заявила о сексуальном домогательстве какого-то русского. В полиции работал его знакомый украинец, он сказал, что через два часа они будут в магазине. Они давали мне два часа, чтобы сбежать из штата. Я быстро загрузил в багажник свои небольшие пожитки, и мы рванули в Огайо. Я не хочу долго и странно описывать судебную машину Америки, службу полиции, но не приведи вам бог оказаться между её шестерёнками – она работает чётко, быстро и безжалостно. У нас так чётко, наверно, работало только НКВД, когда охотилось за «врагами народа».

Я ничуть не злился на Трейси и не злюсь до сих пор. Мы с ней были хорошими приятелями, много болтали, она рассказала, что муж бросил её, связался с какой-то молоденькой негритяжкой, что она не может иметь детей и очень жалеет об этом. Может, из-за этого много читала и думала? Счастливая женщина, прости господи, должна быть слегка глуповата. Я расписывал ей коварство и измены своей жены, приплёл какой-то сборник стихов, который собирался написать «Poetry of the covered with wounds heart». /”Поэтри ав зэ кават уиз уонтс хат” англ./ – «Поэзия израненного сердца». Чёрт меня дёрнул! Когда встречаются мужчина и женщина и собираются лечь в постель, они не должны быть жалкими и побитыми, иначе в постели им останется только плакать... Я молчу! Я не сказал слово «неудачники».

III.

Вся эта история вспоминалась бы как смешной казус, если бы через год я не заехал в тот самый город, где жила Трейси. Как долго у них полиция хранит всякие жалобы... Я решил сдать на права в этом городе, потому что здесь был мой счёт в банке и моя регистрация. К тому времени всё у меня складывалось замечательно: я стал клиентом одной влиятельной адвокатской конторы, она защищала права эмигрантов – я мог стать гражданином Америки! Я купил серебряный «форд», скопил денег на небольшой домик, раз в два месяца посылал дочери огромную коробку с подарками, раз в неделю по телефону разговаривал с женой, небрежно, как будто устал от этих разговоров. Её голос теперь всегда был бесцветный и далёкий-далёкий. Я начинал чувствовать себя американцем – честное слово. В магазине старался купить что подешевле, экономил даже на соли, всегда улыбался, стал вежлив, открывал дверь и пропускал идущего навстречу со словами: «Excuse me!»; приветливо моргал глазами, когда встречался с чьим-то взглядом, говорил: «Hi!». Иногда я даже видел сны на английском языке, а иногда не мог вспомнить какое-то русское название... И вот в этот самый момент в полицейском участке, где я собирался получить водительские права, какая-то рябая американка с перепуганными глазами решила проверить меня по базе данных полиции. Чёрт её дёрнул! Помню, как сейчас... Я стою у окошечка, долго стою – я же не знал, что мою фамилию в это время пробивали по базе. Вдруг кто-то сзади хлопает по плечу, оборачиваюсь – двое полицейских с настороженными лицами. А, понятно, почему было двое, как же – опасный насильник! Но тем не менее: «Excuse me, ser!»... /”Экскьюз ми, сёр” англ. Извините, сэр!/

Прошло несколько дней, прежде чем они узнали, что я не насильник, письменного заявления нет и держать меня, в общем-то, не за что. Но какие это были несколько дней! Меня сразу же отправили в одиночку: три стены и четвёртая – это большаядвигающаяся решётка, тебя видно как на ладони. Вдоль камер длинный коридор, по которому ходят только три раза в день, чтобы принести еду и просунуть её сквозь прутья. Я сначала никак не мог поверить, что всё это происходит наяву. Когда начальник охраны спросил, а нет ли у меня склонностей к самоубийству, я пошутил и сказал, что если меня так часто будет хватать полиция, я, наверное, повешусь. Начальник охраны шутки не понял и приказал мне раздеться догола. Дикое, беспомощное положение! Не было даже носков. Ну как же, я ведь мог их связать и повеситься на гвоздике для мыльницы. На меня одели толстую робу до самого пола, без рукавов, без пуговиц, дали тапки и повели в камеру. Раковина, унитаз и нары – всё вырастает из пола, всё в кафеле. Даже если бы я очень захотел повеситься, мне бы не удалось, если только разбежаться и дать головой о стену. Я не хочу врать, я не чувствовал себя ни графом Монте-Кристо, ни узником из голливудского фильма «Зелёная миля», нет. Я даже не чувствовал себя неудачником. Я понял, что я насекомое, мошка, которую накрыли колпаком. Мне оставалось только одно – сидеть и ждать. Сидеть и ждать. Я перестал думать, планировать было нечего, загадывать смешно, предполагать глупо. Вот принесли варёную фасоль, я её съел, вылизал тарелку... На улице ровно восемь, солнце как раз касается козырька крыши. Значит, ещё день прошёл. Значит, всё ближе и ближе какой-то финал... Гремят ключи, кого-то уводят... Жутко, если представить, что его повели на электрический стул, а завтра твоя очередь... Запах горелого мяса, как запах кокаина – сладковатый и обморочный... Здесь ты уже не философствуешь о неудачниках, о любви и ненависти, здесь ты ощущаешь каждое мгновение, как песок пальцами, здесь нет прошлого и будущего... Зябко в этой робе, надо бы свернуться калачиком...

За две недели в одиночке я научился быть невидимкой. Это когда ты перестаёшь ощущать себя частью окружающего пространства, время становится тягучим, как смола, и ты вдруг видишь себя со стороны, свернувшегося калачиком, на голых нарах, в толстой робе... Я вдруг понял, что я не хочу выходить из камеры, да. Я понимал, меня депортируют, нельзя нелегальному эмигранту просто так вот выйти из тюрьмы, даже если ты невиновен. Только домой... А в том доме с моей женой жил другой человек, водил моего ребёнка в школу и смотрел мой телевизор... Вы чувствуете, приставка «мой, моя» здесь выглядит как-то смешно. И куда, по вашему, я должен был вернуться? В пустой дом в деревне, где меня уже все забыли, а, может, и похоронили? Я как будто застрял между двумя странами или между тем Светом и этим. Ведь разобраться, я хотел не так много, я никого не убивал и не грабил, не насиловал, не воровал, но был загнан за такой можай, что и врагу не пожелаешь. Глупо говорить: «За что, Господи?». Ни за что, а потому что... Потому что поиски Рая на нашей грешной земле всегда заканчиваются тюрьмой или полным крахом. И не надо ко всему приплетать Господа, у него и без нас забот хватает.

Я вспомнил тогда про тот фургон с мороженым из Питтсбурга. Как жаль, что такие видения мимолётны, как жаль, что люди, как правило, их забывают, как хорошо, что я не смог его забыть...

Человек должен иногда быть неудачником, чтобы поднимать глаза к небу и молиться или опускать их вниз и каяться.

ЗАНАВЕС